

Мавринский Илья Игоревич

кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры онтологии
и теории познания
Санкт-Петербургского государственного университета

ОСНОВНОЙ ВОПРОС МЕТАФИЗИКИ: ОТ НЕЧТО К НИЧТО

Аннотация:

Статья посвящена анализу основного вопроса метафизики: почему есть нечто, а не ничто. Анализ данного вопроса ведется через оппозиции нечто и ничто, порядка и события, единственности и множественности. Основной вопрос метафизики обнаруживает различие между классической философской рациональностью и ее неклассическими формами.

Ключевые слова:

нечто, ничто, порядок, событие, достоверность, реальность, основание, метафизика.

Mavrinsky Ilya Igorevich

PhD in Philosophy,
Senior Lecturer,
Ontology and Theory of Knowledge Department,
Saint Petersburg State University

CONCERNING THE PRINCIPLE QUESTION OF METAPHYSICS: FROM SOMETHING TO NOTHING

Summary:

The article discusses the fundamental question of metaphysics: why is there something rather than nothing. The analysis of this issue is carried out in the context of the opposition of something and nothing, order and event, singularity and plurality. The basic question of metaphysics finds out the difference between the classical philosophical rationality and its non-classical forms.

Keywords:

something, nothing, order, event, authenticity, reality, foundation, metaphysics.

Среди многообразных способов доступа к метафизике, манифестаций ее конца или указаний на необходимость отказа от нее можно обнаружить как минимум три «общих места». Первым из них является указание на кризис, в котором находится европейская метафизика, когда величие или статус «царицы наук» сменяется презрением, тем, от чего нужно «избавить науку» [1]. Вслед за кризисом, декларируемым как наличное состояние, требующее разрешения, определенного выхода, обнаруживает себя стремление к поиску некоторого аподиктического начала или основания, на котором здание метафизики может быть выстроено: «Метафизика, выраженная в понятиях, которые мы здесь дадим, – единственная из всех наук, имеющая право рассчитывать за короткое время при незначительных, но объединенных усилиях достигнуть такого успеха, что потомству останется только все согласовать со своими целями на дидактический манер без малейшего расширения содержания» [2, с. 16]. Выстраивание прочного фундамента, так и не осуществленное в западноевропейской мысли решающим образом, постулирует или допускает, однако, возможность конца метафизики или ее преодоления. Наконец, преодоление или завершение метафизики ставит вопрос о ее определенности. Это, с одной стороны, порождает своеобразный ряд «последних» метафизиков (Ф. Ницше, М. Хайдеггер, М. Фуко), в соответствии с мыслью которых выстраивается контур метафизики, ее очертания и исполнения, позволяющие предъявить или развернуть существо метафизики. С другой же стороны, вопрос об определенности метафизики обнаруживает свою конкретную формулировку, как если бы задача, стоящая перед метафизикой, обладала бы той очевидностью, которую мы ищем в различных и всегда конкретных ее (метафизики) исполнениях. Речь идет об основном, по словам М. Хайдеггера, вопросе метафизики: «Почему существует нечто, а не ничто, ибо ничто более легко и более просто, чем нечто?» [3, с. 408].

Сформулированный Г.В. Лейбницем этот вопрос, однако, оказывается тем, что не допускает не только различные интерпретации, об одной из которых речь пойдет ниже, но и различные тематизации, что позволяет проблематизировать само существо вопроса или область метафизического. Так, М. Хайдеггер в работе «Что такое метафизика?» трактует (или, если угодно, переводит) этот вопрос следующим образом: «...почему вообще есть сущее, а не скорее ничто» [4]. Непосредственная очевидность различия этих формулировок усиливается еще и тем, вокруг чего центрируется мысль М. Хайдеггера и Г.В. Лейбница. Если Лейбниц в центр ставит «нечто», то Хайдеггер делает акцент на «ничто».

Между «ничто» и «нечто» выстраивается, таким образом, оппозиция, поскольку для обоих мыслителей речь идет о способе доступа к предметности. Так, Лейбниц в тех же «Началах природы и благодати, основанных на разуме» вводит принцип достаточного основания. В свою очередь, «нельзя найти достаточного основания существования ни в какой-либо отдельной вещи, ни в собрании их, или совокупности (series)» [5, с. 282]. Иными словами, то, что обнаруживает и

обуславливает наличие «нечто, а не ничто», требует дистанции по отношению к этому нечто, взятому в его генеральном смысле: нечто как такое в своем наличии не содержит достаточного основания, то есть не содержит ответа на вопрос, «почему они (вещи – И.М.) должны существовать так, а не иначе» [6, с. 408]. В свою очередь, Хайдеггер указывает на ничто как на «изначальное условие возможности всякого раскрытия сущего вообще. Существо изначально ничтожащего Ничто и заключается в этом: оно впервые ставит наше бытие перед сущим как таковым» [7]. Опозиция между ничто и нечто оказывается в таком случае оппозицией того тóптоса, из которого выстраивается дистанция по отношению к предметности.

Для новоевропейской метафизики в целом и Лейбница в частности тóптосом является трансценденция, определяя нечто как нечто тварное. Нечто оказывается тем, в чем проявлен порядок или замысел, что определено к своему существованию и лишь требует своего раскрытия в познании. Тварность нечто оказывается тем, что обнаруживает не только наличие, но и единственность Порядка как реализованного в результате предельного выбора на основании наличия в нем (Порядке) наибольшего совершенства. Для Хайдеггера, напротив, речь идет не о трансценденции, но о роде сущего, способного отдать себе отчет в способе собственного существования, – Dasein. Пользуясь терминологией Ж. Делёза и Ф. Гватари, можно было бы сказать, что Хайдеггер находится в «плане имманенции», порождающем среди прочих иллюзий и иллюзию трансцендентности: «...иллюзия трансцендентности, возможно предшествующая всем остальным (у нее два аспекта – имманентность делается имманентной чему-то, или же в самой имманентности вновь обнаруживается трансцендентность)» [8, с. 59], будучи введена «фатальным образом», ставит нас перед выбором между трансцендентностью и хаосом [9]. Дистанция по отношению к предметности выстраивается в таком случае не через проявление или причастность порядку, но через событие, ставящее нас перед лицом сущего.

В таком случае позиция между «нечто» и «ничто» может быть конкретизирована как оппозиция между порядком и событием или между единственностью и множественностью. Действительно, порядок, как отмечалось, открывает горизонт единственности как наилучшего из возможных реализаций, тогда как событие отсылает к множественности, понятой как целокупность или серия. «Что же такое идеальное событие? Это – сингулярность, или, скорее, совокупность сингулярностей, сингулярных точек...» [10, с. 80]. В таком понимании события «скорее» есть вовсе не прибавка или фигура речи, напротив, оно есть содержательное указание на природу события: событие актуализирует, переопределяет, трансформирует не только предметность, доступ к которой мы получаем, но и другие события. Более того, событие может порождать событие: то, что было пропущено, к чему взгляд оказался странным образом не притянут, что не обнаружило свой событийный характер, может в горизонте постсобытийности [11] вернуть себе утраченное, стать-таки событием.

Единство замысла, раскрывающегося в Порядке, не имеющее, следовательно, частей, оказывается отделенным от целостности событийного горизонта, имеющего, как представляется, части или складывающегося из различности событийного пласта. Взаимоисключение или взаимограничение единства и целостности, восходящее к Платону, позволяет обнаружить еще одно измерение основного вопроса метафизики: измерение предельного (а не достаточного) основания, то есть реальности. В самом деле, усмотрение достоверности есть то, в отношении чего единство и целостность не расходятся. Так, среди предикатов парменидовского бытия встречаются и единство, и целокупность, Декарт при работе с *cogito* не проводит различие истин разума и истин факта. Усмотрение достоверности, через которое получается доступ к реальности, оказывается тем, что оставляет место как событию, так и порядку, позволяет им существовать не в качестве оппозиции, но в некоей неразделенности. Открытие бытия или *cogito* оказывается и событием мысли, и тем, что разворачивается в порядок предметности.

В таком случае именно необходимость прокладывать путь от усмотрения достоверности к предметности оказывается тем, что вводит или восстанавливает оппозицию события и порядка, единства и множественности, «ничто» и «нечто». Усмотрение достоверности в этом движении уступает место предельному основанию, которое предиктирует всю предметность, с одной стороны, и обнаруживает собственную единичность – с другой. В таком случае переход от порядка к событию есть следствие глубинной философской, точнее, метафизической рефлексии, обнаруживающей некоторую общность движения мысли, генерализирующей и формализующей это движение.

Метафизическая рефлексия ограничивает предельное основание уже самим фактом указания на наличие других предельных оснований, причем такое наличие, которое вовсе не означает возможности выбора и даже исключает последний, но предполагает или требует события для того, чтобы снять то или иное основание в его претензии на единственность. Более того, само предельное основание требует доступа к себе, то есть переосмысляющей, переопределяющей работы, которая не только допускает, но и в известном смысле предполагает отрицание этого основания, «отцеубийство» [12].

Основной вопрос метафизики в таком случае есть вопрос о предметности, которая, будучи тем, к чему мы всякий раз возвращаемся, обнаруживает жест метафизики и тем самым горизонт философии. Предметность как то, что выступает в качестве горизонта мысли, раскрывается в ее (мысли) разыскании, уточняется в языке, реализуется в жесте, допускает отнесение к различным предельным основаниям, позволяет обнаруживать различные реальности (происходящего, мыслимого, говоримого), вопрос о переводимости которых друг в друга, равно как и вопрос о тождестве самой реальности, выходит за пределы тематики данной статьи.

Однако же, если Хайдеггер оспаривает у Лейбница единственность схватывания и удержания предметности, то есть точность ее определения, то Лейбниц оспаривает у всей современности строгость в формулировке задачи. Вопрос новоевропейской метафизики, сформулированный Лейбницем, не предполагает сам по себе еще никакого основания, то есть допускает все возможные основания, тогда как хайдеггеровская его (вопроса) переформулировка уже включает в себя предельное основание существования.

В таком случае в движении от «ничто» обнаруживается инвариант, позволяющий говорить о непреодолимости метафизики, равно как и о принципиальной ее незаконченности, незавершенности. Концептуально таким инвариантом является связь предметности, достоверности и реальности. Эта связь выстраивается по линии экспликации достоверности в направлении предметности, что, в свою очередь, запускает процесс дифференциации реальности. Именно дифференциация реальности через различение смыслов, выработку и формализацию процедур, утрату контекста и определенности требует возвращения к предметности, возможного только в усмотрении достоверности.

Предметность в таком случае оказывается не только тем, что допускает различные способы собственного определения, но и тем, что в своем наличии хранит возможность события и порядка, единства и множественности, ничто и нечто, то есть оказывается требующей своей реализации и экспликации полноты – совершенством. Именно поэтому основной вопрос метафизики оказывается в такой же степени очевидным в своей формулировке, в какой неочевидным в своем (всегда метафизическом) исполнении, то есть в той конкретной реализации метафизики, отваживающейся на очередной (но всегда событийно уникальный) «набег на невыразимость».

Ссылки:

1. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения : в 8 т. Т. 3. М., 1994. 741 с.
2. Там же. С. 16.
3. Лейбниц Г.В. Начала природы и благодати, основанные на разуме // Лейбниц Г.В. Сочинения : в 4 т. Т. I. М., 1982. 636 с.
4. Хайдеггер М. Что такое метафизика? [Электронный ресурс]. URL: <http://epistema.narod.ru/heidegger1.htm> (дата обращения: 14.10.2015).
5. Лейбниц Г.В. О глубинном происхождении вещей // Лейбниц Г.В. Сочинения : в 4 т. Т. I. С. 282.
6. Лейбниц Г.В. Начала природы и благодати, основанные на разуме. С. 408.
7. Хайдеггер М. Указ. соч.
8. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М., 2009. 263 с.
9. Там же.
10. Делёз Ж. Логика смысла. Екатеринбург, 1998. 480 с.
11. Бадью А. Манифест философии. СПб., 2003. 184 с.
12. Платон. Софист // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. М., 1990. Т. 2. 528 с.

References:

1. Kant, I 1994, 'Critique of Pure Reason', Kant, I, *Works: 8 vols.*, vol. 3, Moscow, 741 p.
2. Kant, I 1994, 'Critique of Pure Reason', Kant, I, *Works: 8 vols.*, vol. 3, Moscow, p. 16.
3. Leibniz, GV 1982, 'Start of nature and grace, based on reason', Leibniz, GV, *Compositions: 4 vols.*, vol. I, Moscow, 636 p.
4. Heidegger, M 2015, *What is Metaphysics?*, retrieved 14 October 2015, <<http://epistema.narod.ru/heidegger1.htm>>.
5. Leibniz, GV 1982, 'About the origin of the deep things', Leibniz, GV, *Compositions: 4 vols.*, vol. I, Moscow, p. 282.
6. Leibniz, GV 1982, 'Start of nature and grace, based on reason', Leibniz, GV, *Compositions: 4 vols.*, vol. I, Moscow, p. 408.
7. Heidegger, M 2015, *What is Metaphysics?*, retrieved 14 October 2015, <<http://epistema.narod.ru/heidegger1.htm>>.
8. Deleuze, G & Guattari, F 2009, *What is philosophy?*, Moscow, 263 p.
9. Deleuze, G & Guattari, F 2009, *What is philosophy?*, Moscow, 263 p.
10. Deleuze, G 1998, *Logic of Sense*, Ekaterinburg, 480 p.
11. Badiou, A 2003, *Manifesto philosophy*, St. Petersburg, 184 p.
12. Plato 1990, 'Sophist', Plato, *Collected Works: 4 vols.*, Moscow, vol. 2, 528 p.